

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'42:81'38:81'27

ББК Ш105.51+Ш105.55+Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.20

А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова

Пятигорск, Россия

А. М. Червоный

Таганрог, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО ДИСКУРСА 2014—2016 ГГ.: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИТОГОВ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются результаты исследования европейской парламентской коммуникации, проведенной учеными Юга России, на основе аутентичных документов европейских парламентов с применением методов интеракционного картирования, интен- и контент-анализа, в прагматической перспективе. Авторы излагают выработанную стратегию научного исследования парламентского дискурса в статике и в динамике. Определяющим фактором исследования становится анализ речевого поведения политиков по направлениям реализации выделенных авторами интеракционных категорий — интерсубъективности, аргументации и аксиологии, имплицитности, интертекстуальности и дискурсивной когерентности. В работе выводятся два новых для исследуемой области концепта: «ментальная текстuality» и «текстуальная ментальность», представленные как основополагающие составляющие деятельности европейской парламентской дискурсивной формации в свете современной международной политики. Предлагается стратегия научного исследования парламентского дискурса в статике и динамике, включающая следующие этапы: создание текстового корпуса с жанровой дифференциацией (например, законодательный акт, закон, парламентское обращение, дебаты); разделение жанров на интеракционные, аргументативные (направленные «за» или «против» чего-либо) и конклюдентные (декларативной природы); прагматический анализ парламентских дебатов, позволяющий проследить динамику политического дискурса; анализ речевого поведения политиков по направлениям реализации интеракционных категорий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парламентский дискурс; европейская парламентская дискурсивная формация; исследование европейского парламентского дискурса; текстуальная ментальность; ментальная текстuality.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Алферов Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, директор научно-исследовательского центра интеракционной лингвистики и институционально-правовой коммуникации, Пятигорский государственный лингвистический университет; 357532, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9; e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кустова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный лингвистический университет; 357532, г. Пятигорск, пр-т Кирова, 63; e-mail: lenakustov@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Червоный Александр Михайлович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого и французского языков Таганрогского института имени А. П. Чехова — филиала Ростовского государственного экономического университета (РИНХ); 347936, г. Таганрог, ул. Петровская, 68; e-mail: ckutrik@yandex.ru.

Рассматриваемое в статье исследование парламентского дискурса современной Европы проводилось учеными нескольких вузов Юга России при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент)».

Главным теоретическим установлением исследования стало положение о том, что интеракционность парламентского дискурса (ПД) проявляется прежде всего как взаимодействие политических акторов и производных от них политических текстов-дискурсов.

Парламентский дискурс — институционально центральный в политической коммуникации. Актуальность и необходимость его исследования не только обусловлены узкоспециальным интересом в политической и дискурсивной лингвистике, но и определяются самим обществом по мере того, как

Статья написана при поддержке РГНФ (проект 14-04-00029).

повышается интерес к законодательному процессу: все четче проявляется потребность гражданского общества видеть реализацию своих прав и исполнение социальных запросов в выборных институтах власти. Отсюда возникает необходимость научиться и научить понимать парламентскую коммуникацию. Для этого нужно прежде всего обратиться к имманентным чертам явления «парламентский дискурс», проникнуть в его природу, наметить пути его культурологического и лингвистического исследования.

Идея парламентаризма до сих пор не вошла в социальный менталитет русского человека, в его национальную идентичность. Современные отечественные парламентские институты названы двумя архаическими словами с отрицательной исторической коннотацией — «Дума» и «Сенат». «Боярская дума» — оппозиция Петровскому прогрессу, «Сенатская площадь» — расстрел «революционных декабристов»... Вот и вся традиция... То ли дело в старой доброй Англии — с другой стороны, британский парламент

связан с церемониальностью и чопорностью, граничащей с абсурдностью: обыск подвалов Вестминстерского дворца, выезд королевы в государственной карете из Букингемского дворца в здание Парламента в сопровождении королевской гвардии и красочного эскорта. Герольдмейстер (титул существует с 1350 г.) во время церемонии несет «Черный жезл» (Black Rod) и многое, многое другое [Минаева 2015].

Однако культуроведческий и протокольный аспект европейских парламентских традиций останется в стороне от нашего исследования в силу того исторического момента, который переживает сегодняшняя Европа. Законодательные собрания европейских государств втянуты в мировые геополитические игры, становясь в них еще одной «патетической иглой», очерчивающей давно изъезженную фонографическую дорожку: «Русские идут!» — во все времена и по каждому поводу.

В готовящейся монографии (Европейский парламентский дискурс: прагмалингвистические очерки : коллективная монография / ред. А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова, А. М. Червонный; подготовлена к печати) представлены различные аспекты изучения парламентского дискурса как части обширного текстового пространства политической коммуникации. Проводится анализ структуры и функциональности парламентского дискурса, выявляются основные аспекты анализа законодательных текстов и устной парламентской коммуникации. Предлагаются различные подходы и методики исследования стратегий и тактик институциональной коммуникации.

Методологический аппарат исследования составили современные подходы, утвердившиеся в политической лингвистике как у нас в стране, так и за рубежом. Немногочисленные отечественные исследования, посвященные парламентскому дискурсу, отличаются либо углублением в лингвистическую прагматику, где парламентский дискурс рассматривается как точка приложения существующих прагмалингвистических учений [Правинова 2005], либо фокусировка внимания на частных вопросах парламентской коммуникации [Минаева 2015; Селина 2014; Щербинин, Щербинина 2013], либо обсуждение того, «как нам обустроить „российский парламент“ с опорой на исторические традиции [Громыко 2011].

Информативность парламентской коммуникации носит особый характер, который должен рассматриваться в нетривиальном ракурсе дискурсивного анализа. Тексты парламентской коммуникации не обязательно

обладают информативностью в смысле сообщения новой информации. В основе парламентской коммуникации лежит принцип отнесения «положения вещей», событий и реалий, существующих в действительности, к пресуппозиции по отношению к целям и функциям тех или иных парламентских коммуникативных действий (текстов). Парламентская текстовая деятельность направлена прежде всего не на передачу информации как таковой, а на анализ и оценку происходящих событий как основание для регулирования, направления этих событий в то или иное русло социополитического деятельностного континуума. В самом общем смысле коммуникативная функция парламентского дискурса подчинена регулятивной функции не спорадически, но институционально, по определению.

Наличие многочисленных попыток представить теорию дискурса как метод исследования той или иной части текстовой деятельности [Борботько 2011; Дейк 1989; Дридзе 1984] служит основанием предложить еще одну модель концептуализации, на этот раз парламентского дискурса, основываясь на нескольких методологических источниках. Во-первых, это интеракциональная парадигма исследования языка и речи [Актуальные аспекты интеракциональной теории языка 2013], представляющая социологические механизмы речевого взаимодействия и позволяющая рассматривать парламентский дискурс в первую очередь в его регулятивной функции. Во-вторых, это динамическая модель, представляющая дискурс как процесс порождения текста, процесс интенционального превращения плана содержания в план выражения [Кустова 2011]. И, наконец, в-третьих, это интерпретирующий, герменевтический подход [Правинова 2012], постулирующий априорную неоднозначность пропозиционального содержания любого воспринимаемого текста, взаимное проникновение произведенных и будущих дискурсов в едином социокультурном пространстве парламентской коммуникации.

Таким образом, предлагаемую концепцию можно назвать как институционально-интеракциональной, так и интерпретативно-культурологической: в ее основе, помимо лингвопрагматической теории речеактовой социальной интеракции, лежит идея корреляции текста и культуры, окружающей этот текст.

Помимо своей доминирующей регламентирующей, регулятивной функции, парламентская коммуникация не лишена других функций, свойственных любой целенаправ-

ленной коммуникативной деятельности. Можно выделить как минимум пять функциональных планов парламентского дискурса: пропозициональный (информационный), иллокутивный (интенциональный), аргументативный (воздействующий), интерперсональный (межличностный) и дискурсивный (структурный) [Алферов 2007].

В пропозициональном плане интерпретативную значимость имеет тематика дискурса: та или иная партия предлагает для обсуждения приоритетные для нее события, проблемы, факты; правительство также вносит определенные законопроекты, отличающиеся своими пропозициями: мигранты, экономическая безопасность, внешнеполитические события, их оценка и порождение вытекающих из нее текстов.

В иллокутивном плане определяется речевая составляющая парламентских дискурсов, преследующих разнообразные коммуникативные цели. Здесь происходит дифференциация дискурсов на реактивные («мир — текст») и проактивные («текст — мир»). К первым относятся тексты, освещающие и комментирующие общеполитический контекст (декларации, заявления, вопросы к правительству и т. д.), ко вторым — тексты, «изменяющие мир», предписывающие и регламентирующие (законы, поправки к законам, постановления и т. п.).

Аргументативный план касается прежде всего диалогичных типов дискурсов, таких как парламентские дебаты, заседания комиссий, обсуждение законопроектов. Здесь можно выделить определенные стратегии и тактики, характерные для той или иной партийной группы или тех или иных парламентариев. Особого внимания заслуживает аргументативная манипуляция, т. е. подмена рационального доказательства различного рода уловками, стратегемами, характеризующими не только тот или иной идиодискурс (персональные высказывания «здесь и сейчас»), но и когнитивно-конативный стиль партии или взаимодействия политика (т. е. способ представления действительности и способ воздействия через свою интерпретацию этой действительности на аудиторию).

Интерперсональный план характеризуется двумя противоположными стратегиями: агональной (противодействие, агрессия) и кооперативной (сотрудничество). В этом плане особое внимание привлекает процесс полилогического взаимодействия дискурсантов и установление коалиций (поддержание или саботирование интенциональностей коммуникативных субъектов).

В дискурсивно-структурном плане парламентский дискурс характеризуется чрез-

вычайной интертекстуальностью, полифонией, взаимопроникновением прецедентных юридических и политических текстов. Формальную сторону этого плана можно наблюдать как в протокольных институциональных дискурсах (ведение собрания, предоставление слова, прекращение дебатов и т. п.), так и на метауровне — в гипертекстовом картировании парламентского дискурса на официальных сайтах национальных законодательных собраний. Дискурс современной парламентской коммуникации — это «дискурс в 3D». Интерактивные технологии позволяют создать многомерное гипертекстовое пространство, когда имя политика в протоколе заседания сопровождается гипертекстовыми ссылками, которые не только позволяют узнать его биографические данные, партийную принадлежность и даже место в зале заседаний парламента, но и связаны с его персональным блогом и твиттером, представляют его персональный мультимедийный дискурс: выступления в СМИ, интервью, статьи, книги, а также позволяют изучить мультимедийный политический дискурс, так или иначе связанный с этим политиком и его партией. Таким образом предоставляется возможность составить многомерный портрет политика, политической партии и получить как информацию о текущей парламентской деятельности, так и доступ к (квази)архивным документам. Это относится и к законодательным документам, снабженным гиперссылками на статьи конституции, поправки к закону и комментарии к ним.

Наша работа строилась в основном на принципах социо- и прагмалингвистического интеракционизма, в основе которого лежит идея о том, что политика — это «борьба за власть», осуществляемая через борьбу идей, борьбу текстов, т. е. перманентное взаимодействие, интеракция между участниками политического процесса. Такая интеракция может носить «прогрессивный» или «регрессивный», кооперативный или антагонистический характер. Целостность политического процесса представляется при этом как динамический баланс би- и полиполярных интеракций. Этот характер определяется прежде всего когнитивным зарядом концептуальных моделей политических акторов, которые в конечном итоге определяют прагматику политического взаимодействия (дискурса). Поэтому мы рассматриваем парламентский дискурс прежде всего как **когнитивно-речевую интеракцию** в ее стратегиях и тактиках.

При этом парламентский дискурс (ПД), или парламентская дискурсивная формация (ПДФ), представляется в трех измерениях:

деятельностном, дискурсивном и текстуальном.

Объектом исследования стал парламентский дискурс современной Европы на примере трех ведущих государств — Франции, Германии и Великобритании в 2014—2016 гг.

Политические события этих лет во многом определили тематическое наполнение исследуемых дискурсов национальных парламентов Европы и Европарламента. Политическим контекстом и предметным содержанием исследуемых ПД стали события на Украине, возвращение Крыма в состав РФ, связанная с этими событиями информационная и политическая блокада России, а также актуальные для ЕС вопросы миграции и борьбы с терроризмом.

Эта общность пропозиции европейской парламентской дискурсивной формации объединяет все части монографии, которые тем не менее отличаются авторской методологией и определенным методологическим параллелизмом.

Несомненно, такое исследование является и культурологическим, и прагмалингвистическим, и дискурсивно-лингвистическим, т. е. оно опирается на корпусы текстов (устных или письменных) как общеполитического, так и институционально-парламентского происхождения, их отражение в СМИ. Оно рисует речеповеденческие портреты отдельных политиков или политических партий, их парламентскую и внепарламентскую риторику, а также позволяет выявлять глобальные (концептуальные) стратегии речевой парламентской практики на основе анализа многообразных взаимозависимых и разнонаправленных речевых (пропозициональных, аргументативных, иллокутивных, дискурсивных и интерперсональных) тактик, являющихся ветвями того дерева, которое мы называем европейской парламентской коммуникацией. Метафора дерева удобна для исследования парламентского дискурса (каковой была всегда для лингвистики в целом). Она отображает и структуру, и жизнедеятельность, и статику и динамику обменных, т. е. интеракционных процессов. Она будет сопровождать многие теоретические построения данной работы.

Культурологический аспект исследования ориентирован прежде всего на концептуальность ПД, его ценностные, метафорические и идеологические (мифотворческие) составляющие.

Когнитивной репрезентацией, представляющей концептуальную модель парламента, может выступить концепт «ТЕКСТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» («тексты — листья и кро-

на»). Однако формирование такой «текстовой кроны» происходит прежде всего в виде «ствола — законодательной концептосферы» и пересечений (интеракций) людей (избирателей, налогоплательщиков), соглашающихся с правомочностью издаваемых законов только потому, что вместе они образуют «крону», защищающую их от всяческих угроз. Частыми и модными в пространстве ПДФ становятся концепты УГРОЗА — СТРАХ — ЗАЩИТА: «хотите защиту — платите налоги», а дальше вам все объяснят. Поэтому правильнее было назвать продукт деятельности парламента — ТЕКСТУАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ (далее — ТМ — см. ниже). Формируют ТМ макро- и микроречевые акты, ходы, рокировки, перепрыгивание с одной аргументативной ветки на другую и т. п. То есть то, что называется парламентской дискурсивной формацией (ПДФ).

Субкатегории данной концептуальной модели отражают статику и динамику, процесс и результат осуществляемой парламентской практики. Основной категориальной оппозицией в этой модели является дихотомия ЛЮДИ и ТЕКСТЫ. Люди в своей институциональной структурной организации создают тексты, тексты определяют мировоззрение и поведение людей. Таким образом, люди, с одной стороны, выступают в роли СОЗДАТЕЛЕЙ ТЕКСТОВ, а тексты, с другой стороны, призваны осуществлять две функции: когнитивно-дескриптивную и регулятивную. Парламентарии выступают в роли коллективного АВТОРА, отвечающего за адекватное отражение происходящих в действительности событий (первая функция), и прописывают СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ (правила) как основной ориентир жизни и деятельности социального человека (вторая функция). Налицо прототипическая схема коммуникации Р. О. Якобсона: АДРЕСАНТ — ТЕКСТ — АДРЕСАТ. Однако, в отличие от многих других речевых актов, в законодательных актах прописан их перлокутивный эффект — данные речевые произведения (сообщения), будучи декларативными, носят прескриптивный характер. Они призваны изменять действительность, регулировать те или иные ее процессы. Их неисполнение подлежит санкциям со стороны общества (государства).

Тем не менее законодательные тексты, как и всякие знаковые сущности, подлежат интерпретации, что становится основанием для существования такой области, как юриспруденция, а в филологии — юрислингвистики. Такая текстовая деятельность рождает множество противоречий, но только на уровне *динамики* (выработки, обсуждения,

дебатов), которая основана на тех или иных интересах (деятельностный контекст). Как во всякой политической коммуникации, конклюдивным (решающим) адресатом является «целевая аудитория», которая в случае законодательных текстов является «бенефициантом», ведь пресуппозицией таких текстов является «общее благо». Гарантацией соблюдения данной пресуппозиции и являются парламентская деятельность (столкновение мнений) и принцип «решающего большинства». Тексты, прошедшие «чистилище» парламентских палат, рассматриваются уже как «статуты», с главной титульной характеристикой — *закон, устав, уклад, свод положений, постановление*, т. е. на уровне статистики (эстатики). Здесь **ментальная текстуальность** (МТ) превращается в **текстуальную ментальность** (ТМ) — ту самую сформировавшуюся крону концептов-законов, выход из-под которой чреват неприятностями всякого рода.

Из всего сказанного вытекает следующая стратегия научного исследования парламентского дискурса в статике и в динамике:

1. Создание текстового корпуса ПД с дифференциацией его жанров (законодательный акт, закон, парламентское обращение, дебаты и т. д.).

2. Разделение жанров на интеракциональные, аргументативные (направленные 'за' или 'против') и конклюдивные (декларативной природы). Одним из главных направлений исследования становится анализ тематики, определение предметных областей выносимых законодательных актов, их аргументативная база (стратегии и тактики), определение целевой аудитории, «бенефициантов» того или иного законодательного текста (общество в целом / социальная группа, принцип «Cui prodest?» и т. п.). Здесь имеет место анализ задействованных концептов и концептуальных метафор как единиц оценки содержания (пропозиции) того или иного ПД, с одной стороны, и аппарат лингвопрагматики — с другой.

3. Интеракциональным элементом ПД становится жанр парламентских дебатов [Алферов, Шамугия 2013; Баранов 2007; Борботько 2011; Громыко 2011], прагмалингвистический анализ которого служит отдельной целью исследования — изучение динамики ПД.

4. Наконец, немаловажным, а может быть, и определяющим фактором исследования становится анализ речевого поведения политиков по направлениям реализации следующих интеракциональных категорий [Алферов 2007]:

- стратегия интерсубъективности (личностной модальности), включающая такие тактики речевого поведения, как интенциональность (направленность/ненаправленность), эгоцентричность/объективизация, эмотивность/экспрессивность (конативность), аутоориентация/социоориентация, агональность (конфликтность) / миметичность (кооперативность) и т. д.;
- аргументативная и аксиологическая стратегии (система аргументации и оценок, уловки, стратегемы, ценностные ориентиры и проч.);
- стратегия имплицитности/эксплицитности (подразумевания, скрытые пресуппозиции, логические и риторические манипуляции и т. д.);
- стратегия интертекстуальности (цитации, метафоричность, идиоматичность и т. п.);
- стратегия дискурсивной когерентности, релевантности и риторической оформленности.

Такая метастратегическая концепция исследования ПД призвана выявить взаимодействия внутри выделяемых стратегий, их сочетаемость и пертинентность, их доминирование и стратегические амальгамы и т. д., образующие в конечном итоге «концепто-‘крону’» текстуальной ментальности (ТМ). Напомним, что *ментальная текстуальность* порождает тексты на основе определенных глобальных концепций. *Текстуальная ментальность* порождает стиль мышления, порядок действий на основе устоявшихся (и освященных в парламенте) законов-предписаний.

Исследование взаимодействия категорий ЛЮДИ и ТЕКСТЫ на материале национальных ПД позволит создать речевые портреты политических лидеров и партий на фоне разножанровой европейской парламентской коммуникации. Такие исследования могут проводиться на базе уже существующих подходов:

- политическая метафора (как отражение когнитивной и воздействующей функций) в личностном парламентском дискурсе (ср.: [Чудинов, Будаев 2008]);
- сравнительное исследование речевого поведения того или иного политика в национальном и/или Европарламенте;
- личностный и корпоративный имиджевый (мифотворческий);
- межнациональное и межкультурное vs национальное и корпоративное в ПД и т. д.

Вопросы межпарламентской и межкультурной коммуникации в рамках Европарламента и ПД современной Европы составляют логическую вершину и перспективную цель исследования.

В подготовленной по итогам исследования монографии рассматриваются также два взаимодополняющих подхода к анализу парламентской коммуникации — пропозициональный (содержательно-концептуальный) и модальный (интеракционно-прагматический). Первый позволяет представить процесс формирования и взаимодействия аксиологически полярных концептов, второй предполагает исследование парламентской коммуникации в ее модальных проявлениях на уровне дискурсивных категорий субъективности, тональности и релевантности.

В монографии рассматриваются аксиологические особенности дискурса парламентской оппозиции на материалах выступлений руководителей Партии левых в немецком парламенте (бундестаге) и антиглобалистов в Европарламенте. Анализ проводится на основе методов семантического полевого картирования и ивент-анализа. Авторы приходят к выводу о том, что политическая борьба обеспечивается агональным дискурсом; дискурсу власти противопоставлен оппозитивный дискурс, основанный на модально-оценочной интерпретации пропозиции и использующий коннотативно и аксиологически связанные языковые средства. Совокупность таких средств обеспечивает аксиологическую изотопию (когерентность) дискурса в пространстве парламентской и общеполитической коммуникации. Дискурс немецких левых, касающийся событий на Украине, характеризуется эмоционально-оценочной когерентностью, проявляющейся в аргументативном и иллюкативном планах речи. Последовательность в оценке события достигается модальной аксиологической связью между элементами дискурса на различных уровнях языка — фоностилистическом, лексическом, фразеологическом и синтаксическом.

В монографии проводится также исследование парламентской коммуникации в ее модальных проявлениях на уровне дискурсивных категорий субъективности, тональности и релевантности. Подчеркивается

дискурсивный статус рассматриваемых категорий и их использование в парламентском дискурсе в качестве инструмента воздействия на аудиторию. Механизм субъектно-объектной конверсии, имплицитные составляющие тональности дискурса позволяют, по мнению авторов, повысить уровень релевантности парламентской коммуникации для более эффективной реализации преследуемых политических целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные аспекты интеракционной теории языка : моногр. / под ред. А. В. Алферова, Е. Ю. Кустовой. — Пятигорск, 2013. 300 с.
2. Алферов А. В. Когнитивное пространство интеракционного дискурса // Вестн. ПГЛУ. 2007. № 3—4. С. 106—108.
3. Алферов А. В., Шамугия Л. Г. Репликативный дискурс парламентских дебатов (на материале скриптов заседаний Французского Парламента) // Вестн. ПГЛУ. 2013. № 3. С. 107—111.
4. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М. : Эдиториал УРСС, 2007. 360 с.
5. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 288 с.
6. Громыко С. А. Язык Российского парламента: становление отечественной парламентской коммуникации в начале XX века // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 82—91.
7. Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация. — М. : Прогресс, 1989. 312 с.
8. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. — М. : Наука, 1984. 268 с.
9. Кустова Е. Ю. О диалогическом механизме аксиологической (интерпретационной) составляющей семиозиса // Вестн. Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. 2011. № 4. С. 144—147.
10. Минаева Л. В. Британский парламентский дискурс как культурный феномен // Преподаватель: XXI век. 2015. № 3. С. 396—405.
11. Правикова Л. В. Язык парламентских дебатов (опыт системного описания дискурса по терроризму в конгрессе США и Парламенте Великобритании) : дис. ... д-ра филол. наук. — Пятигорск, 2005. 425 с.
12. Правикова Л. В. Типология дискурсов, регистры и жанры // Вестн. ПГЛУ. 2012. № 1. С. 135—138.
13. Растье Ф. Интерпретирующая семантика. — Н. Новгород : Деком, 2001. 368 с.
14. Селина К. А. Парламентский дискурс как контекст парламентского конфликта // Березень. 2014. № 3 (107). С. 58—63.
15. Чудинов А. П., Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации. — М. : Флинта, 2008. 310 с.
16. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Парламентская культура: коммуникативный аспект // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. № 5 (25). С. 68—70.

A. V. Alferov, E. Y. Kustova

Pyatigorsk, Russia

A. M. Chervony

Taganrog, Russia

THE STUDY OF PARLIAMENTARY DISCOURSE 2014—2016: OUTCOMES CONCEPTUALIZATION

ABSTRACT. The article discusses the results of a study of the European parliamentary communication conducted by the scholars of Southern Russia, based on authentic documents of the European parliaments using the methods of interaction mapping and the intent- and the content analysis in pragma-rhetorical terms. The authors describe the developed strategy of static and dynamic scientific study of parliamentary discourse. Analysis of the verbal behavior of politicians in the areas of implementation of interaction categories identified by the authors – inter-subjectivity, argumentation and axiology, implicitness, intertextuality and discursive coherence – becomes the determining factor of research. The work suggests two concepts new for the given area: “mental textuality” and “textual mentality” presented as fundamental components of the activities of the European parliamentary discursive formations in the light of the contemporary international politics. The article proposes a research strategy of parliamentary discourse in its statics and dynamics, including the following steps: creation

of a text corpus with genre differentiation (e.g. legislative act, law, parliamentary appeal, debates); separation of genres into the interactional, argumentative (designed "for" or "against" something) and conclusive (declarative in nature); pragma-linguistic analysis of parliamentary debates, allowing the researcher to trace political discourse dynamics; and analysis of the verbal behavior of politicians in the areas of implementation of interaction categories.

KEYWORDS: *parliamentary discourse; European parliamentary discursive formation; research of European parliamentary discourse; textual mentality; mental textuality.*

ABOUT THE AUTHOR: *Alferov Aleksandr Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Director of Centre of Interactional Linguistics & Law and Institutional Communication, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kustova Elena Yurievna, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Chervony Alexandr Mikhailovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of German and French Languages Department of Anton Chekhov State Institute (branch) of Rostov State University of Economics (RSUE), Taganrog, Russia.*

REFERENCES

1. Aktual'nye aspekty interaktsional'noy teorii yazyka : monogr. / pod red. A. V. Alferova, E. Yu. Kustovoy. — Pyatigorsk, 2013. 300 s.
2. Alferov A. V. Kognitivnoe prostranstvo interaktsional'nogo diskursa // Vestn. PGLU. 2007. № 3—4. S. 106—108.
3. Alferov A. V., Shamugiya L. G. Replikativnyy diskurs parlamentskikh debatov (na materiale skriptov zasedaniy Frantsuzskogo Parlamenta) // Vestn. PGLU. 2013. № 3. S. 107—111.
4. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku. — M. : Editorial URSS, 2007. 360 s.
5. Borbot'ko V. G. Printsipy formirovaniya diskursa: ot psikholingvistiki k lingvosinergetike. — M. : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2011. 288 s.
6. Gromyko S. A. Yazyk Rossiyskogo parlamenta: stanovlenie otechestvennoy parlamentskoy kommunikatsii v nachale XX veka // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 2 (36). S. 82—91.
7. Deyk T. A. Yazyk, poznanie, kommunikatsiya. — M. : Progress, 1989. 312 s.
8. Dridze T. M. Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii. — M. : Nauka, 1984. 268 s.
9. Kustova E. Yu. O dialogicheskom mekhanizme aksiologicheskoy (interpretatsionnoy) sostavlyayushchey semiozisa // Vestn. Pyatigorsk. gos. lingvist. un-ta. 2011. № 4. S. 144—147.
10. Minaeva L. V. Britanskiy parlamentskiy diskurs kak kul'turnyy fenomen // Prepodavatel': XXI vek. 2015. № 3. S. 396—405.
11. Pravikova L. V. Yazyk parlamentskikh debatov (opyt sistemnogo opisaniya diskursa po terrorizmu v kongresse SShA i Parlamente Velikobritanii) : dis. ... d-ra filol. nauk. — Pyatigorsk, 2005. 425 s.
12. Pravikova L. V. Tipologiya diskursov, registry i zhanry // Vestn. PGLU. 2012. № 1. S. 135—138.
13. Rast'e F. Interpretiruyushchaya semantika. — N. Novgorod : Dekom, 2001. 368 s.
14. Selina K. A. Parlamentskiy diskurs kak kontekst parlamentskogo konflikta // Berezen'. 2014. № 3 (107). S. 58—63.
15. Chudinov A. P., Budaev, E. V. Metafora v politicheskoy kommunikatsii. — M. : Flinta, 2008. 310 s.
16. Shcherbinin A. I., Shcherbinina N. G. Parlamentskaya kul'tura: kommunikativnyy aspekt // Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriya. 2013. № 5 (25). S. 68—70.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.